

ИГОРЬ ПИЛЯЕВ

ЗЕМЛЯ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Начало пути

Skleněný
mústek
2015

Игорь Пиляев

**ЗЕМЛЯ
ИЗНАЧАЛЬНАЯ**

Книга первая

Начало пути

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Земля после апокалипсиса и в преддверии нового, какая она? Умиравший, агонизирующий город, остатки человечества, сбросившие с себя шелуху цивилизации и обнажившие подлинные лица. Мир жестокости и насилия, где единственным законом является «право сильного».

Возможно ли выжить в этом аду и остаться человеком? Имеет ли человек право выбора, право на существование и любовь, если даже сам Творец забыл о своих детях? Имеет ли сама Планета право на жизнь?

На эти и многие другие вопросы придется найти ответы главному герою, волею случая заброшенному в свое ближайшее будущее.

© Игорь Пиляев 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-95-2

Содержание

Пролог

Глава 1

«Хаос»

Глава 2

«Existential event»

Глава 3

«Жить, чтобы выжить»

Глава 4

«Умирающий город»

Глава 5

«Рангарек»

Глава 6

«Долина псов»

Глава 7

«Вердикт»

Глава 8

«Рождение мага»

Глава 9

«Великие маги седой старины»

Глава 10

«Путь к Беловодью»

Глава 11

«Шамбала»

Эпилог

*Каждый человек достаточно велик для того,
чтобы вместить в себя Бога.*

Пролог

Вы когда-нибудь наблюдали за курицами в курятнике? Стас наблюдал. Причем был занят этим вдохновенным процессом уже который день...

Удивительно, но жизнь в курятнике напоминала Стасу модель общества в миниатюре. Та же борьба за выживание, за власть, за место под лампочкой. Каждая вторая курица непременно считала себя доминантной и пыталась указать место своей соплеменнице. С петухами было все понятно и без аналогий, тут борьба за самку и за право называться альфа-самцом. Чем выше сижу – тем дальше гляжу как в переносном, так и в прямом смысле. Потому как в прямом смысле эти самые петухи старались забраться как можно выше и взирать на всех свысока, видимо, искренне полагая, что такая позиция делает их существенно значимее и привлекательнее в глазах все тех же куриц, а может, и остальных петухов тоже.

И самая главная мысль не давала покоя Стасу: что ждет всех этих в принципе симпатичных и по-своему разумных существ завтра? А перспектива у них одна – бульон или курица-гриль. И все потуги, вся эта суета никому по сути не нужна, потому что исход один – деревянная чурка и топор хозяина. А разве у людей иначе?..

Короче, Станислав Николаевич Рогозин, отставной полковник службы безопасности, пребывал в меланхолическом настроении. И пребывал он в этом настроении на даче: приехал сюда из суматошной столицы три месяца назад, предварительно плюнув с высокой колокольни на государеву службу. В смысле написав рапорт и уволившись на пенсию по выслуге лет.

Не то чтобы кто-то его гнал с этой самой службы. В целом полковник Рогозин был на хорошем счету как у руководства, так и у

коллег по службе, потому как никогда не был подлецом, что, кстати, вовсе не редкость в таких структурах и на таких должностях. Просто в какой-то момент пришло осознание одной простой вещи: «Что я сделал за 45 лет жизни и в частности за 25 лет службы в структурах? Что сделал полезного? Что останется после меня? С кем или с чем я собственно боролся все эти 25 лет?». И, как это ни печально, на эти простые вопросы Стас для себя ответа не находил.

Будучи человеком по натуре работоспособным и достаточно энергичным, он первое время с головой окунулся в сельскую жизнь. Вырыл на собственном участке небольшое озерцо, причем вырыл в прямом смысле своими руками, хоть и страдал потом от боли в мышцах. Кабинетная работа как-то не особо способствовала физическому развитию, а посещать спортзал было некогда, да и не особо хотелось, если честно. Тем более что от природы Стас был худощав, достаточно подтянут и справедливо исповедовал принцип о том, что «здоровым спорт не нужен».

Закончив с озером, взялся за грядки, посадив какие-то овощи – то ли огурцы, то ли патиссоны. При посадке особо не вникал в агрономические нюансы, полагая, что земля-матушка должна сама разобраться с тем, что в нее воткнули. Результат оказался закономерным – ни на грядки, ни на то, что на них выросло, без слез смотреть было невозможно, особенно в сравнении с соседскими огородами.

Потерпев фиаско с овощеводством, перешел к следующей стадии – взялся строить курятник. Строить – это, конечно, громко сказано: скорее, попытался превратить в курятник древний сарайчик для тяпок, оставшийся от бывших хозяев дачи. Перешерстив сайты и чаты любителей куроводства и кое-как уяснив для себя принципы обустройства куриного коттеджа, Стас с воодушевлением взялся за дело, которое в течение недели и закончил. Нельзя сказать, что получилось идеально, но, скорее всего, для куриц сгодится. Главное, что квадратура соответствует установленным стандартам, где не надо – не дует, где надо – есть вентиляция. Жители курятника, похоже, придерживались того же мнения, поскольку воодушевленно осваивали многочисленные лесенки и жердочки, насесты и гнезда, коими в изобилии снабдил сооружение гордый строитель.

За созерцанием общественных процессов, происходящих в зам-

кнутом социуме, и застала Стаса супруга Валентина Ивановна Рогозина.

— Долго медитировать собираешься, архитектор куриных душ? Пойдем ужинать, завтра кто-то на рыбалку собирался, не забыл еще?

— Иду, милая, иду. А ты знаешь, почему каждая курица стремится забраться выше своих собратьев?

— Знаю — это называется «доминантная курица».

— Это ты у меня доминантная курица, а у птиц это инстинкт самосохранения: чем выше на дерево залез, тем безопаснее.

— От топора и дальнейшей кремации на решетке гриль их это все равно не спасет.

— Прозаично, хотя и справедливо. Радует одно: они об этом не подозревают, думают, у них вся жизнь впереди.

— Так оно и есть — короткая только.

— И, главное, predeterminedная...

Надо сказать, Валентина Ивановна была женщиной совершенно неумной энергии, которую выплескивала на всех и все, что бы ни находилось рядом. И, честно говоря, все потуги на пути становления Стаса как фермера происходили исключительно с подачи жены. Любое активное сопротивление новшествам, как, впрочем, и пассивное, преодолевалось просто. Стаса ставили перед фактом. Вот тебе 30 бройлеров, а на завтра заказала 20 несушек — будем выращивать и кушать экологически чистое мясо. Недельная конфронтация после таких решительных действий, как правило, приводила только к испорченным нервам и полной капитуляции господина полковника.

Тем не менее, Стас жену любил. Любил той любовью, которая к мужчинам приходит после 30 лет, когда до периода «седина в бороду — бес в ребро» еще далеко, а юношеский авантюризм остался позади. Супруги Рогозины были в браке уже более 10 лет. Как у Стаса, так и у Валентины это был второй брак. Назвать его для себя удачным или неудачным он затруднялся. Но то, что его семейную жизнь спокойной назвать было нельзя, для него было очевидным фактом. Но также было абсолютно ясно, что никого другого на месте Валентины он себе представить просто не в состоянии. Несмотря на свой бальзаковский возраст (они с женой были одногодки), Валя выглядела великолепно. Подтянутая спортивная фигура, ни капли жира,

рельефный пресс культуристки – результат многолетних регулярных занятий аэробикой и танцами.

Стас в очередной раз залюбовался точеной мальчишеской фигуркой жены, спокойно дефилирующей от курятника к дачному домику. «Надо же, 45 лет, а такой заднице позавидует любая 18-летняя соплячка, – не без гордости подумалось ему. – И ведь, что интересно, хоть в бикини ее одень, хоть в робу, все одинаково хорошо на ней сидит – королева, одним словом».

Пришла мысль о рыбалке. Не то чтобы так уж хотелось ехать. Да и назвать себя заядлым рыбаком он не мог. Скорее, просто любитель посидеть и посмотреть на воду в утреннем тумане. На раннюю зорьку, когда сквозь клочья ползущей водной взвеси прорезаются первые лучи солнца и рыба вспоминает о том, что ей тоже неплохо было бы позавтракать.

Озеро Стас присмотрел еще неделю назад. Старый и достаточно глубокий овраг, заполненный родниками, вода в нем была невероятно холодной для середины августа. Вокруг росла шикарная дубрава, некоторым гигантам должно было бы быть никак не меньше 200-300 лет, хотя совершенно не понятно, как такие деревья вообще выросли и выжили в этой местности. В общем, место было на редкость живописное. Наживку и тормозок, а также все, что к нему причитается, он уже уложил в сумку-холодильник. Немного подумав и не найдя ни одного подходящего повода отменить подъем в три утра, несмотря на портящуюся погоду, на том успокоился и пошел ужинать.

Будильник, как это ни прискорбно, начал исправно верещать ровно в три часа утра. Проклиная все на свете, в том числе и предстоящую рыбалку, Стас кое-как спустился со второго этажа и, стараясь не ронять стулья и стаканы, попытался приготовить себе кофе. С некоторыми потерями кипятка, вылитого себе на ногу, и рассыпанного кофе это удалось. «Да, годы не те, – пришла мудрая мысль после первого глотка живительного напитка. После сорока надо выбирать что-то одно: или пить, или не спать. Триста грамм водки за ужином и три часа сна как-то явно не сочетались друг с другом, по крайней мере, по субъективным ощущениям Стаса.

Тем не менее, кофеин свое дело знал, и в голове прояснилось. Натянув на себя униформу, он поплелся к машине. Когда вышел на

улицу, настроение испортилось окончательно. Дождя не было, но вдалеке на востоке подозрительно сверкала молния, пока, правда, еще без грома. Признак был отнюдь не обнадеживающим и вряд ли сулил потрясающий клев. Байки о невероятном клеве в дождь Стас слышал не раз, но не без основания считал, что рыба, как и любая живая тварь, должна любить хорошую погоду. Тем более, дождь не любил сам Стас, и совсем уж сомнительным казалось удовольствие от рыбалки в дождь. Надеясь на вечное славянское «авось» да еще на то, что автомобиль будет под боком и в случае чего можно быстро ретироваться, он завел машину и выехал.

Добравшись без особых приключений до места назначения, Стас попытался максимально близко припарковаться к озеру, что ему, конечно же, не удалось – мешали деревья. Кряхтя, он выбрался из машины и расстроился окончательно – гроза явно не собиралась обходить место рыбалки стороной. И небо, еще 20 минут назад светившееся зарницей, теперь всю грохотало канонадой грома, сопровождаемого всполохами молний. Или наоборот. Все-таки это гром сопровождает молнию. Хотя какая разница, – желание разворачивать снасти и пробираться к озеру окончательно пропало. Решив выждать какое-то время, Стас с облегчением забрался в уютный и теплый салон автомобиля.

Но если уж неприятности начались, то сразу заканчиваться они явно не собирались. Вчерашний ужин, катализированный умеренной дозой водки, вероятнее всего, закончил свой сложный процесс метаболизма в желудке, и последний настойчиво требовал очищения. Выскочив из машины и отбежав несколько шагов в сторону, Стас присел у какого-то дерева. Через пару минут стало значительно легче. С облегчением пришло понимание того, что туалетной бумаги с собой тоже нет. Но, в конце концов, в лесу мы или нет? Обойдемся подручными средствами.

Гроза набирала обороты, и первые капли летнего дождя уже начинали срываться, не пробивая еще густую листву громадного дерева. Он только сейчас обратил на него внимание – это был древний дуб совершенно невероятного размера. Крона дерева скрывалась где-то вверху, сливаясь с еще темным предраассветным небом. Осматривая озеро днем, Стас такого гиганта не заметил. Возможно, это

просто предрассветные сумерки делали свое дело, меняя формы и создавая призрачные очертания.

Ему стало безумно интересно измерить ствол дерева в окружности. Рулетки с собой не имелось, поэтому решил по старинке – обхватом. На третьем обхвате небо вспыхнуло. Точнее, вспышек было две: первая в небе, вторая – в голове у Стаса. Потом стало темно и тихо.

Глава 1

«Хаос»

Никакого тоннеля и тем более света в конце оно не было. А что было? Стас позже не раз пытался вспомнить эти ощущения, и всегда это давалось ему с большим трудом. Было темно, потом была боль – невероятная боль в голове. Ощущение лоботомии¹ без наркоза – почему-то именно это сравнение приходило в голову. Черепную коробку словно разорвали на части, полушария мозга распылили в нейроны, затем как-то все это собрали и так же как-то запаковали обратно, не особо уделяя внимание на эстетику сборки.

Цифры, образы, ощущения, лица, глаза, руки – все это вращалось в хаотическом хороводе с невероятной скоростью. Вспышки света чередовались с непроглядной тьмой, которая, в свою очередь, сменялась серой мглой, пронизанной серебряной паутиной. Паутина создавала геометрические фигуры сначала классической евклидовой геометрии, затем все сложнее и сложнее, меняя кривизну пространства до сочетаний, которые сознание отказывалось воспринимать. Затем опять формулы, цифры, лица, боль, вспышка – тьма...

Стас открыл глаза. Какая была первая мысль? Да не было мыслей вообще, ну ни одной мысли, была дикая, всепоглощающая головная боль. Потом, чуть позже, мысли начали появляться, и были они лишь об одном – как бы добраться до машины, где есть таблетки от головной боли. В глазах немного просветлело, хотя вокруг плыла серая мгла, наполненная пылью и запахом гари. Попытка встать оказалась неудачной, и пришлось довольствоваться позицией в парте-

¹ Лоботомия - нейрохирургическая операция, при которой одна из долей мозга иссекается или разъединяется с другими областями мозга.

ре, проще говоря, на четвереньках. Тем не менее, появилась первая здравая мысль: «Я живой». Осознав это, многострадальный мозг тут же задался целой серией никому не нужных вопросов, что закономерно привело к перегрузке и зависанию.

Повторное возвращение оказалось существенно легче. Боль никуда не делась, но, по ощущениям, приобрела латентную² форму, угнездившись где-то в районе мозжечка и для верности стянув голову, как дубовую бочку, тяжелым металлическим обручем. Попытку резкого подъема Стас на этот раз решил не предпринимать. Начал с методичного исследования возможностей своего тела или отсутствия таковых. Пальцы на руках шевелились. На ногах – плохо, но тоже реагировали на импульсы изможденного мозга. Попытка согнуть правую руку в локте неожиданно привела к успеху. Это вдохновляло, и Стас рывком попробовал сесть. Землю качнуло и продолжало раскачивать с замедляющейся амплитудой. Сзади оказался ствол дерева, и Стас оперся об него спиной – качка уменьшилась и появилась хоть какая-то возможность осмотреться.

А смотреть было, собственно, не на что. В первый момент даже показалось, что бредовое состояние продолжается. Все вокруг было покрыто серой мглой – серой была трава, серым был туман. Ощутимо реальным казался только ствол злосчастного дуба, такой же необъятный и монументальный, каковым и запомнился Стасу.

Назвать себя верующим человеком Стасу было, конечно же, сложно. По своей натуре он скорее являлся агностиком³, не отрицая существования божественного начала, но и никак не воспринимая церковных догм, причем любых концессий. Но, будучи крещеным, а скорее, просто на всякий случай перекрестился. Как и следовало ожидать, от данного действия реальность никак не изменилась.

По внутренним ощущениям, было раннее утро, но полагаться на ощущения в такой ситуации было крайне опрометчиво. Мысли о чистилище и прочих зланных местах, коими грозят грешникам отцы православной церкви, Стас отбросил сразу. Во-первых, все

2 Латентный – скрытый, неявный, невидимый.

3 Агностик (греч.) – слово, изобретенное м-ром Гексли (по его утверждению) для обозначения человека, который не верит ничему, что не может быть подтверждено органами чувств. Иногда агностицизм определяется как философское учение, утверждающее принципиальную непознаваемость мира.

было слишком реальным, во-вторых, воняло гарью, но что примечательно – отнюдь не серой. И главное, все тело ныло так ощутимо по-живому, что Станислав Николаевич окончательно отбросил все оккультные мысли и решил перейти к действиям.

И первое, что пришло ему в голову, – надо добраться до машины. Там есть обезболивающие таблетки и телефон. Машина, насколько помнилось, находилась максимум в десяти шагах, которые и были с большим трудом, но все-таки преодолены.

А вот тут стало страшно по-настоящему. Аллегория о холодном поте оказалась вовсе не такой уж и аллегорией. Машина исчезла, но это была половина беды, точнее, абсолютная мелочь по сравнению с тем, что предстало взору. Озеро тоже исчезло. Котлован от него был, но вот самого озера не было. Спасительная мысль о том, что он сошел с ума или это галлюцинации после удара в голову, не очень утешила Стаса. Место было явно тем же, где десять минут назад припарковал машину горе-рыбак. Место было то же самое, это понятно. Непонятно было другое: как за столь короткий промежуток времени произошли столь глобальные изменения.

Густая дубовая роща оказалась на месте, но была изрядно прорежена. Больше половины деревьев было повалено, и создавалось общее впечатление, что здесь прошли активные боевые действия с применением тяжелой артиллерии. Соседнее поле, еще вчера колосившееся высоченной яровой пшеницей, было вспахано, но не плугом трактора, а многочисленными воронками от снарядов. В воздухе висел серый туман, и это был вовсе не утренний туман. Это была взвесь из пыли, гари и еще каких-то мельчайших частиц, пытающихся забиться в глаза и вызвать слезы. Стас надеялся, что слезы вызывает именно пыль, а не чувство собственной беспомощности и обреченности.

Подумать было о чем. Разумные объяснения в голову никак не приходили. Проще всего, конечно, было принять мысль о помутнении сознания, однако внутреннее «Я» подсказывало, что все не так просто. Наконец пришло осознание того, что в пятнадцати километрах, на даче, находятся его жена и дочь. Это позволило зацепиться за реальность и выработать хоть какой-то план действий. А план был предельно простым – идти на дачу.

Определившись с ближайшими целями, Стас принялся воплощать их в жизнь. Мысль пойти через лес была отброшена как изначально глупая. С ориентированием в лесу и так явные проблемы, а в подобных условиях и подавно. Солнца нет, мха тоже не наблюдалось, где север, а где юг, разобраться было непросто даже в поле. Хорошо помня, что озеро находилось в паре километров от дороги, пусть и не автомагистрали, но достаточно загруженной автомобильями, Стас встал и отправился в путь вдоль остатков дубовой рощи.

Преодолев за полтора часа два километра по пересеченной местности, а пересечена она была весьма основательно, он наконец выбрался на автотрассу. Осмотрелся. С трудом представлялось, чем можно было создать такие воронки и, главное, в таком количестве. Зрелище было немногим радостнее развороченного поля. Асфальт сохранился лишь местами, но идти стало несколько проще.

Слегка придя в себя, Стас с удивлением обнаружил, что головная боль, вызывавшая тошноту при каждом шаге, отступила, да и тело чувствовало себя значительно лучше. Похвалив себя мысленно за выбор обуви – армейские ботинки натовского образца как нельзя более кстати подходили для подобного марш-броска, – он уже более уверенно направился в сторону областного центра.

«Cogito, ergo sum» (мыслю – следовательно, существую) – мудрая мысль великого французского скептика Рене Декарта неожиданно пришла в голову. И полковник Рогозин попытался осмыслить случившееся.

Вариантов виделось всего два: что-то случилось либо с миром и «мир сошел с ума», либо с ним самим. Но сумасшедшим мысль о том, что они таковыми являются, как правило, в голову не приходит. А Стасу приходила. И, вероятно, это объяснило бы все. Но даже сам факт того, что его бы это устроило, отвергал умопомешательство как таковое. То, что окружающая действительность изменилась, причем радикально и явно не в лучшую сторону, сомнений не вызывало. Вот только каким образом это произошло столь стремительно и где был он во время такого изменения – эти вопросы ставили в тупик. Предположить, что он провалялся без сознания хоть сколь значительное время, не удавалось. Хотя бы потому, что, побрившись вчера утром и ощупывая подбородок сейчас, ощущал именно суточную щетину.

Сама собой напрашивалась фантастическая идея о переносе во времени или в пространстве, например в параллельный мир. Полностью отбросить данную возможность Стас не мог, но мысль была настолько дикой, что поверить в данный вариант не позволял здравый смысл. Он в детстве увлекался фантастикой, почитывал такую литературу и в более зрелые годы. Но воспринимал ее скорее как литературный жанр, способный в доступной динамичной и увлекательной форме донести до читателя те же жизненные ситуации и образы героев, которые в классической литературе выглядели бы скучно и прозаично.

Не найдя логичных и разумных объяснений происходящему, попытался проанализировать ситуацию с точки зрения фантастического жанра. Предположим, путешествие во времени. Но кто-то доказывал, что машина времени в принципе невозможна. Помнилось что-то о парадоксе времени или петле времени – не очень внятно, конечно, помнилось. Но допустим. Прошлое или будущее? По субъективным ощущениям – будущее. Местность идентична, дорога та же. Ближайшее прошлое было известно, а более далекое выглядело бы иначе.

Итак, будущее. Насколько далекое будущее? Вероятнее всего, не слишком далекое. Изменения хоть и радикальные, но по временному циклу не принципиальные. Подобные разрушения вполне могли быть совершены в короткий промежуток времени. А наличие, скажем, той же дубовой рощи говорит о промежутке времени от нескольких дней до двух-трех лет. Один вариант готов – недалекое будущее. Земля после войны или глобальной катастрофы.

Параллельная реальность? Допуская мысленно перемещение во времени, вполне можно было допустить и перемещение между слоями реальностей, если таковые существовали вообще. По крайней мере, в голову не приходили никакие парадоксы, говорящие о том, что это невозможно в принципе, но это, скорее всего, от незнания темы. Что имеем в этом случае? В общем, ничего хорошего не имелось ни в первом, ни во втором случае. Взяв для себя за основу постулат «решать проблемы по мере их возникновения», Стас продолжил путь по дороге.

Судя по состоянию асфальта, точнее, тех мест на дороге, где ас-

фальт оставался, не ремонтировался он как минимум года два-три. В который раз поразила унылость окружающего пейзажа. Деревья имели листву, но она была либо грязно-серого цвета, либо висела на ветках сухими свернутыми перьями. Трава на обочине была, но того же грязно-стального цвета. Дышалось отвратительно, но Стас поймал себя на мысли, что особых неудобств этот факт ему не доставляет. То же касалось и температуры воздуха, которая, судя по всему, была немногим выше нуля градусов по Цельсию.

Поднялся небольшой ветер, но надежда на то, что он разгонит этот серо-стальной туман, не оправдалась, теперь он не висел стеной, а клубился и шевелился, напоминая живое существо. «Не хватало мне только сюжетов из Стивена Кинга⁴», – подумалось Стасу. И не зря подумалось, поскольку мысль тут же материализовалась в виде странного звука за спиной. Он остановился, прислушался – да это же звук работающего двигателя, пусть и плохо работающего, нутжно, но явно это автомобиль. Сквозь рябь тумана показались два призрачных пятна света. Воспаленное воображение вполне могло бы принять их за глаза монстра в тумане, если бы не обнадеживающее фырканье старого мотора и скрип подвески переползающего через рытвины и ухабы старенького джипа.

Из серой мглы медленно выполз древний Land Rover. Каким образом ему удавалось перемещаться по этому подобию дороги, оставалось загадкой, но он двигался и, что самое неприятное, двигался мимо, никоим образом не реагируя на его отчаянную жестикуляцию. Уже почти исчезнув из вида во всепоглощающем тумане, вдруг остановился. То ли отреагировал на последний жест в виде оттопыренного безымянного пальца, то ли у водителя проснулась совесть. Хотелось верить в последнее. Стас бросился к машине.

Наверное, спешить все-таки не стоило. У раскрытых задних дверей с обеих сторон стояли два типа совершенно невероятного вида. Не вызывало сомнений, что это были представители гомо сапиенс, но какой-то совершенно немыслимой модификации. На головы намотаны грязные тюрбаны, закрывающие и нижнюю часть лица. Всклокоченные бороды, правда, просматривались и под этим эк-

4 Стивен Эдвин Кинг – американский писатель, работающий в разнообразных жанрах, включая ужасы, триллер, фантастику, фэнтези, мистику, драму; получил прозвище «Король ужасов».

зотическим для наших мест убором. Из одежды лохмотья, которые когда-то давно были кожаными куртками, и ватные штаны, то ли изрядно промасленные, то ли просто очень грязные.

Но самой главной деталью амуниции был «Моссберг Маверик» 12 калибра с коротким стволом и пистолетной рукояткой вместо приклада, который своим дульным отверстием уверенно смотрел ему в живот. Это у того, что справа, а левый экземпляр баюкал бейсбольную биту, отполированную до блеска. Возникло нездоровое подозрение, что отполирована она отнюдь не игрой в бейсбол.

– Здорово, мужики, – как можно доброжелательнее произнес Стас. – Подбросите до поворота на дачный массив?

– Снимай, – просипел тот, что справа.

– Не понял? – в принципе, все как раз было понятно – неприятности назревали с неумолимой силой.

– Шкары⁵ снимай.

– И смокинг⁶ туда же, – добавил владелец спортивного инвентаря.

Аргумент в виде «Моссберга» был достаточно убедительным. Проверять на себе, заряжен он или нет, желания не было, и Стас, присев, начал расшнуровать ботинки. Тем временем любитель бейсбола стал двигаться в его сторону.

– Шевелись, козлина!

– Бык, не лезь, пусть сначала снимет все, одежка-то стоящая, не попортить бы.

Бык, между тем, занял позицию чуть слева и сзади от присевшего Стаса, продолжая постукивать битой о левую руку. Краем глаза Станислав узрел третьего персонажа, сидевшего за рулем «Ровера» и наблюдавшего за событиями в зеркало заднего вида.

– Безднадега, – подумалось, и это было предпоследнее, о чем подумалось. Поскольку Бык практически без замаха, надо сказать, довольно-таки профессионально нанес короткий и резкий удар битой в основание черепа. А вот последней мыслью было – опять по голове.

И опять была вспышка. Вот только теперь она была красного, бордово-красного цвета, или это опять сыграло злую шутку воспаленное сознание. Но красный цвет присутствовал в окружающем

5 Шкары (сленг) – обувь, ботинки.

6 Смокинг (сленг) – в данном контексте верхняя одежда.

мире и был он очень ярк на фоне серой травы и такого же цвета асфальта. Красными были руки Стаса, на которые он удивленно смотрел. До боли в глазах красным было пятно, растекающееся из-под тела Быка. Какой-то совершенно ненормальной была и поза, в которой он находился. Грязное, в оспинах лицо смотрело пустыми глазницами в небо, но находилось лицо там, где положено находиться затылку.

Владелец «Моссберга» лежал на спине, нелепо раскинув руки, с пробитой грудной клеткой, из которой медленно вытекала красная кровь. Стас поднял глаза, слева от автомобиля валялась передняя водительская дверь, сорванная с петель, а из пустого проема свисала рука с вывернутой кистью. Тут же лежал черный пистолет. «ТТ», – автоматически определил отставной полковник.

Мироощущение вернулось, вернулись звуки. Собственно, звук был один – натужно, с перебоями работающего двигателя. Сделал шаг, споткнулся, запутавшись в шнурках ботинок. Нагнулся и основательно, не торопясь, зашнуровал. Теперь пришло осознание содеянного. В том, что эту мясорубку устроил именно он, сомнений не было, другое дело – каким образом. Познания в боевых искусствах заканчивались на втором юношеском разряде по самбо, приобретенном лет тридцать назад. На сегодня загадок было более чем достаточно, и решать очередной ребус не возникло никакого желания.

Решив осмотреться, подошел к двери «Ровера», точнее, к тому месту, где раньше была дверь. Водитель находился на своем месте, рука сломана в двух местах – кисть и предплечье. Судя по положению головы, шейные позвонки постигла та же участь. Переместился к несостоявшемуся бейсболисту, ногой перевернул – грудная клетка и верх живота разворочены, скорее всего, зарядом картечи (ну хоть это не моя работа, подумал с облегчением). Взгляд остановился на комке красного, еще слегка парящего мяса, лежащего чуть в стороне от зажатого в руке помповика⁷. К горлу подкатила тошнота, но как-то справился. Взглянул на свои руки, потом на грудь владельца ружья, а потом на то, что раньше было его сердцем.

⁷ Помповик – помповое оружие, огнестрельное оружие, в котором скользящая передняя рукоять (цевье) двигает затворную группу, скользя при механическом воздействии на неё назад или вперед, выбрасывая отстрелянную гильзу и досылая новый патрон.

И не вид сердца, живьем вырванного из груди человека, даже не абсурдность, невозможность, физическая невозможность совершить подобное вводила Стаса в ступор. Сам факт подобной жестокости по отношению к себе подобному повергал в шок. Пусть и в состоянии аффекта, пусть необходимая оборона, но не мог Стас, даже если бы умел, подобного совершить. Он просто был на такое не способен. А значит, изменилась не только реальность, он сам стал Другим.

Хотелось курить. Жутко хотелось курить. Год назад с огромным трудом удалось избавиться от пагубной привычки, но сейчас было плевать на затраченные усилия, испорченные как себе, так и домочадцам нервы. «Полцарства за коня»⁸, – сказал великий король. Ни царства, ни его половины, как и коня, не было, но за сигарету он готов был отдать все. Вывернув карманы Быка наизнанку и ничего стоящего там не обнаружив, Стас подошел к автомобилю. Спокойно, сам удивляясь своему равнодушию, выбросил на улицу тело водителя. На торпедке лежала початая пачка «Мальборо». В карманах брюк обнаружилась зажигалка «Зиппо». С забытым удовольствием затащил ее и присел на порог «Ровера», в голове поплыл легкий туман, который так же быстро испарился – тридцать лет практики, как-никак. Выкурил подряд две сигареты – и, как ни странно, наступило спокойствие. Имеем то, что имеем. И из этого надо делать выводы.

Первое. Это явно Земля и, пуще того, любимая родина, – вывод напрашивался сам собой из того богатого и многогранного языка русских осин, на котором вели свой недолгий диалог дорожные флибустьеры.

Второе. Если это Земля, то с ней не все в порядке, то есть не только как с планетой, но и как с социальной единицей. Судя по поведению аборигенов, нормы социальной морали у них отсутствовали как таковые, и почему-то Стасу начало казаться, что это скорее правило, чем исключение из оногo. Следовательно, думать о законе и его представителях пока явно не стоит. Тем паче, что беглый осмотр содержимого наличия мобильной связи не выявил – и, как следствие, отпала и необходимость уведомлять органы правопорядка о случившемся. Прежде всего, по причине отсутствия возмож-

8 «Коня! Коня! Полцарства за коня!» – с английского: «A horse, a horse! My kingdom for a horse!» Из трагедии «Король Ричард III» Уильяма Шекспира, слова короля Ричарда в стихотворном переводе.

ности совершить законопослушное действие, а также и потому, что существовали сильные сомнения в существовании вообще этих органов и правопорядка в целом.

Третье. Стас стал обладателем захудалого джипа и кое-какого имущества, доставшегося ему пусть и не в очень честном, но все-таки бою.

Осознав эти непреложные факты и докурив третью сигарету, приступил к осмотру добычи, в глубине души удивляясь своему спокойствию и равнодушию. «*A la guerre comme a la guerre*»⁹. Не совсем война, конечно, но еще неизвестно, что лучше, а что хуже.

В багажнике джипа обнаружилось три канистры с бензином, одна с водой и два ящика консервов, несколько пачек с патронами 12-го калибра. В условиях перманентных¹⁰ боевых действий почти джентльменский набор. Не без брезгливости осмотрев карманы дорожных пиратов, Стас стал обладателем двух вполне приличных охотничьих ножей и плоской фляги, наполовину заполненной чем-то на редкость вонючим.

В салоне автомобиля между передними и задними сиденьями находилось еще одно охотничье ружье, судя по надписи, «Бенелли» и тоже заряженное шестью патронами. Тут же лежала сумка, содержимое которой однозначно говорило о мародерском прошлом хозяев машины, и это в лучшем случае. Цепочки, сережки и прочая бижутерия вполне могла быть снята с живых людей, или с совсем недавно бывших живыми. Несколько пачек сигарет было в бардачке – это особенно обрадовало Стаса.

Подобрав с дороги «Моссберг» и пистолет (в обойме не хватало трех патронов), Стас вдруг ощутил голод. Нет, это было не то ощущение, когда очень хочется есть, это был Голод. Организм требовал пищи, требовал настолько настойчиво, что пять литровых банок мясной тушенки едва его приглушили. Если так пойдет и дальше, прокормиться будет непросто. Сделав несколько приличных глотков из фляги (это оказался отвратительный самогон) и запив все это водой из канистры, почувствовал себя почти удовлетворенным.

Забравшись за руль «Ровера» и положив на соседнее сиденье «Моссберг» и «ТТ», тронулся в путь. Трупы аборигенов оставил

9 «*A la guerre, comme a la guerre*» – фр. «На войне как на войне».

10 Перманентный – продолжающийся непрерывно; постоянный.

лежать на дороге. Езда по такой автострате доставляла мало удовольствия, и средняя скорость ненамного превышала скорость пешехода, но все-таки дело двигалось. Стали попадаться автомобили, большей частью стоящие на обочине, встретилось несколько обгоревших остовов машин. Людей не было. Через дорогу перебежала стая собак, судя по внешнему виду, явно не домашних. Подумалось о том, что трупы испортиться не успеют, – спокойно как-то так подумалось.

Преодолев за три часа пятнадцать километров дороги, Стас приблизился к дачному массиву, откуда сегодня утром, всего лишь пять-шесть часов назад, отправился на рыбалку. Внутренне он был готов к самому худшему, но, на удивление, все выглядело не так уж и плохо – разрушений было много, но примерно семьдесят процентов домостроений сохранилось. Хуже было то, что жилыми они явно не выглядели. Многие жители дачного поселка использовали раньше свои домики как постоянное круглогодичное жилье, хотя поселок и не имел статуса населенного пункта.

Заныло под ложечкой – Стас увидел свою дачу такой же, какой он ее оставил несколько часов назад. Непроизвольно нога придавила педаль акселератора газа, машина исправно подпрыгнула, но печальный визг подвески прямо указывал на недопустимость подобных экспериментов.

Естественно, он не ожидал, что Валя выйдет на улицу его встречать. Шесть часов, проведенных в новом мире, кое-чему его уже научили. Но боялся Стас одного – неопровержимых доказательств безвозвратной потери. Благодарение Богу или тому, кто создал этот сумасшедший мир, никаких явных доказательств не было. Тщательно обследовав домик, изрядно пострадавший от рук мародеров, сделал несколько выводов.

Первое: дача была оставлена в спешном порядке, и это вселяло надежду на то, что жене с дочкой удалось своевременно покинуть зону бедствия, например, уехать в их загородный дом в окрестностях столицы. Не было, конечно, никакой уверенности, что они смогли туда добраться, да и что-то подсказывало Стасу – в столице, скорее всего, происходит нечто подобное здешней ситуации. Но все-таки надежда оставалась, и это хоть как-то согревало. Соответственно,

появлялась определенная цель – двигаться дальше и искать семью.

Второе: сопоставление некоторых фактов, записей в еженедельнике, настенных календарей и проведение несложных расчетов привело Стаса к выводу о том, что с момента его поездки на рыбалку и до момента, когда дача была покинута, прошло ни много ни мало, а два с лишним года.

Третье (и это было самое шокирующее открытие): судя по записям в том же еженедельнике, никуда он не исчезал, а существовал в этом мире и, возможно, существует сейчас, рядом с его женой, а точнее, со своей. Стас окончательно запутался, но, следуя мудрому правилу: если проблема не решается сейчас, лучше ее оставить на потом – решил заняться обустройством ночлега.

Приличная кладка дров, добросовестно нарубленная им зимой прошлого года, приказала долго жить. Но во дворе валялось множество деревянного хлама, и с третьей попытки получилось растопить финскую четырехходовую печь. Через двадцать минут удалось слегка прогреть небольшое помещение и создать хоть и зыбкое, но ощущение уюта. Обследование погребка и сарайчиков ничем не порадовало – все запасы и консервация были подчищены основательно. А есть хотелось – и, опять же, хотелось есть так, как если бы Стас не ел все эти два года. Пришлось обратиться к запасам консервов, и опять пять килограммов тушенки едва утолили голод. Нужно было себя останавливать, в ящике оставалось штук двадцать банок, а что будет впереди, неизвестно.

Тем временем на улице стемнело и существенно похолодало. Чудом уцелевший градусник показывал всего 2 градуса тепла, хотя тело Стаса холода практически не ощущало. Ехать ночью смысла особого не было, и, решив, что утро вечера мудренее, Стас забрался в машину с мыслью поспать или хотя бы отдохнуть. Идею оставить машину и переночевать в домике отверг сразу, очень уж была велика стоимость средства передвижения в нынешних условиях.

Ему снился дед, тот дед, который был отцом его матери. Они сидели вдвоем на берегу таежного озера и ловили рыбу неказистыми удочками из стволов молоденьких берез. Сон был странным и пре-

жде всего тем, что Стас прекрасно понимал, что это именно сон. Он знал, что дед Иван умер тридцать лет назад, он абсолютно точно знал, что сейчас находится в салоне автомобиля. И все же сон был на удивление реальным. Даже поклевка выглядела настоящей. Чуткий поплавок из гусяного пера резко повело в сторону и потянуло под воду. Подсечка. И миг борьбы с сильной рыбой, отдающей все до остатка силы борьбе за право жить.

– Хорош лапоть, почитай на кило потянет, – жуя папиросу «Беломорканал», пробурчал дед.

– Ты живой, дед, или снишься мне?

– Смотря что ты, внучек, под словом «живой» понимаешь. Ежели оболочку мою телесную, так сгнила она давно уже. Дала жизнь деревьям и траве.

– Значит, снишься.

– А какая разница, Стасик? Тебе ведь поговорить с кем-то надобно было, душу излить. Тяжело тебе, я ведь вижу.

– Станный какой-то сон, раньше со мной такого не было никогда.

– Каждый день несет в себе что-то новое, да и не сон это вовсе, и я не привидение. Ты спрашивай, внучек. Канал слабенький, силенок у тебя еще маловато его удерживать.

– Что произошло с миром?

– Беда с Землей приключилась, Стас, а еще большая беда впереди грядет. Совсем люди связь с Землей-матушкой потеряли. Но ты о главном спрашивай.

– А что главное-то, дед? Как я здесь оказался? Почему? Зачем? Что мне делать дальше? Где моя семья? Живы?

– На эти вопросы ты и сам скоро ответы найдешь, а когда ответишь на вопрос, зачем, и все остальное станет понятным. А вот на вопрос «Что делать?» отвечу – ищи учителя. Много их будет на твоём пути, но нужного ты узнаешь. А путь твой только начинается.

– Какой путь, какова цель?

– Тернистый путь, Стасик, развилок на нем много, какую выбрать, от тебя зависит, и выбор цели – тоже твое дело. Свободен ты в выборе. Это большой дар – иметь свободу выбора, но и ноша нелегкая.

– Какая ноша, какой выбор? Дед, ты проще изъясняться можешь? Ты мне скажи, на кой я тут оказался – это же не мой мир? Как мне назад-то вернуться?

– Мир этот наш – и твой, и мой. А назад вернуться можно, но только дорогу надо до конца пройти.

– Ничего не понимаю, какая дорога? Да здесь день прожить, что подвиг совершить. Народ, не здороваясь, с ружей палит.

– На то тебе, внук, силы и даны, чтобы этот путь одолеть. Ищи их в себе и чаще задавай себе вопросы – ответы найдутся, поверь деду. Ключет, – дед не спеша стал подтягивать к берегу рвущуюся на свободу рыбину.

Озеро подернулось рябью, пошли волнами отражения сосен на глади воды, обстановка начала медленно растворяться. Только загадочная, многозначительная улыбка деда не исчезала и еще долго стояла перед глазами Стаса.

Открыл глаза. Проснулся, значит. А был ли это сон? Слишком все выглядело реально и правдоподобно. Стасу если и снились раньше сны, то, как правило, размытые, не имеющие четкой сюжетной линии. Он их и не помнил, собственно. Окружающая действительность с пробуждением изменилась мало, все тот же промозглый серый туман. Здесь вообще что-нибудь меняется? И какое время года сейчас? Судя по температуре за бортом, середина осени. Но какие могут быть субъективные ощущения в подобной ситуации?

А что наверняка стоило сделать, так это провести хоть какую-то разведку местности. Оседлав своего трофейного железного коня (двигатель завелся на удивление легко), двинулся по узким улочкам дачного массива. Сорок минут исследований ни к чему полезному не привели, если люди здесь и жили, то прятались весьма основательно, справедливо полагая, что ожидать чего-то хорошего от рычащего джипа не стоит.

До города было километров тридцать, и если искать людей, то именно там. Не могли же бесследно исчезнуть шестьсот тысяч человек, населявших областной центр! С этими мыслями Стас направил машину в сторону трассы. Хорошо бы в таких условиях иметь что-то из военной техники или трактор, на худой конец. Ладно, не будем

жаловаться на судьбу – не на своих двоих, и то неплохо.

Справа показалась заправочная станция. Стоило подумать о бензине. Вечером он залил содержимое трех канистр в бак. А учитывая текущий расход топлива, было бы нелишним иметь какой-то запас, тем более что на площадке стояли три машины, довольно сносно сохранившиеся, и существовал какой-то шанс, что в баках осталось топливо.

Осторожно «перешагивая» вездесущие выбоины, «Ровер» приблизился к заправочным колонкам. Как и ожидалось, ручных насосов на них не было. Машины же при ближайшем рассмотрении оказались в состоянии, оставлявшем крайне мало надежд на наличие в их баках топлива. Отвинтив крышку бензобака одного из седанов, Стас втянул ноздрями воздух. Запах бензина был свежим – может, какие крохи и есть. В багажнике обнаружился шланг, груша на нем, правда, отсутствовала, придется по старинке – ртом. Бензин в баке был, не много, но литров десять должно было накапать.

Канистра получилась почти полной, и Стас уже собирался перейти к следующей машине, когда периферическим зрением заметил движение за углом здания АЗС. Наученный горьким опытом общения с местным населением, решил действовать первым и не спеша пошел к противоположному углу здания, на ходу расстегивая ширинку. Зайдя за угол, огромными прыжками достиг противоположного угла здания и ухватил за шиворот лохматое и чумазое создание, наблюдавшее за машиной и явно готовившее какую-то пакость. По поводу своих прыжков Стас удивиться успел, но разбираться с этим решил позже.

– Отпусти, сука, – создание вцепилось зубами в руку. Опять стоило бы удивиться – боли не было совершенно, мало того, на вид здоровые зубы просто не смогли прокусить кожу на руке.

– Угомонись, чудо в перьях. Я не Бармалей и живьем тебя есть не стану, по крайней мере, до тех пор, пока тушенка не закончится.

– Отпусти, – визжало чумазое явление, по виду пацан лет пятнадцати в драных лохмотьях, с копной волос, видевших мыло или шампунь по меньшей мере месяц назад. Пришлось пацанчика оторвать от земли и слегка встряхнуть. Удивляться тому, что это было сделано одной рукой, уже не приходилось. Зато удивился детеныш

и сразу же притих.

– Есть хочешь?

– У-у-у-у-у-у.

– Только что ты внятно объяснялся. Последний раз спрашиваю: есть хочешь?

– Бить будешь?

– На кой ты мне сдался, горемычный!

– Точно не будешь? А насильничать?

– Весело тут у вас. Мне только в педофилы осталось записаться для полноты ощущений. Пойдем уже.

Стас отпустил пацана и молча пошел к машине. Открыл багажник, достал банку свиной тушенки, вскрыл ножом крышку и только теперь, с открытой банкой, повернулся. Немытая рожица настороженно выглядывала из-за угла здания, но подходить явно не решалась. Глаза мальчишки выражали много, слишком много всего, но главным в них был страх и голод. Сделав несколько шагов вперед, Стас поставил открытую банку на землю и, отойдя, присел на корточки. Как и следовало ожидать, голод победил страх. Мальчишка, подбежав к банке, начал грязными руками выхватывать куски мяса, запихивая их в рот и глотая, практически не жуя.

– Да не спеши ты, подавишься. А тушенка еще есть, не много, правда, но есть.

– Угу...

– Прожуй, потом пообщаемся.

– Нечем заплатить.

– А здесь какая валюта ходит?

– Натуральный обмен. Бартер, одним словом.

– О, да ты образованный, ладно, подходи, возьми нож и ешь не спеша.

Стас открыл еще одну банку и поставил на багажник, положив рядом нож. Создавалось впечатление, что нож мальчишку заинтересовал не меньше тушенки. Все-таки осмелев, пацан подошел, взял банку и нож и, присев на корточки, стал есть, теперь уже не торопясь.

– Надумаешь удрать с ножом, догоню и выпорю, – на всякий случай предупредил Стас. – Звать-то тебя как?

– Саша.

– Очень приятно, Саша, меня зови Станиславом или просто Стасом. Сам откуда? Родители где?

– Нет родителей.

– А кто есть? С кем живешь?

– Никого нет, и живу я один. На дачах собираю что осталось. Вот только ничего почти нет там.

– Почему не в городе, там, наверное, с едой проще?

– Был в городе, там убивают.

– Кого убивают?

– Да все и всех. Ты-то кто такой, на местных бандитов не похож вроде?

– Да, создается впечатление, что не местный я. Послушай, Сашка, нам бы с тобой о многом поговорить надо. Как бы проще сказать? Можешь ты меня в курс событий ввести, скажем, за прошедшие два года?

– Ты откуда свалился такой?

– Считаю, с Луны.

– Так нет же ее.

– Кого нет, Луны?

– Ну да. Ты что, псих?

– Подозреваю, что кто-то из нас двоих точно псих. Послушай, доедай, попей воды, и давай присядем и спокойно все обсудим.

– Здесь нельзя, байкеры¹¹ могут приехать, беды не оберемся.

– Кто такие?

– Быдло на мотоциклах с ружьями. Палят во все, что движется.

– Давай куда-нибудь отъедем, ты же тут местный абориген – ко-мандуй.

– Можно в поселок, там дома большие с заборами, машину можно спрятать, но и там люди могут быть. А сейчас не знаешь, от кого чего ждать. Я смотрю, у тебя ствол есть?

– Даже три. Могу поделиться.

– Не врешь?

– Да не вру. Только в кого стрелять собрался?

– Есть в кого, поехали, – Сашка резво заскочил на пассажирское

¹¹ Байкеры – любители и поклонники мотоциклов. В отличие от обычных мотоциклистов, у байкеров мотоцикл является частью образа жизни.

сиденье, уверенно ухватив «Моссберг».

– Да нет, так не пойдет. Если уж ствол тебе необходим, бери в бардачке пистолет, а эта игрушка для тебя тяжеловата будет. Ты обращаешься-то с оружием умеешь?

– Разберусь, – промычало немывтое дитя природы.

– Показывай дорогу, – сказал Стас, садясь за руль ставшего уже родным «Ровера», – и оставь в покое пистолет. Во-первых, он зарыжен и имеет свойство стрелять, причем зачастую неожиданно. Во-вторых, это вообще не игрушка для детей.

– Я не дите.

– А кто же ты, – ухмыльнулся Стас, – лет-то тебе сколько? Пятнадцать есть?

– Двадцать четыре, и зовут меня Александра.

– Баба? Тьфу, извини, девушка? – выдохнул Стас и еще раз, теперь более внимательно, присмотрелся к своему попутчику, хотя получается, уже попутнице. Признать в этом чертенке представителя прекрасной половины человечества было делом непростым. Поэтому допущенная ошибка была вполне простительна.

– А это что-то меняет? Или невтерпеж стало? – новоиспеченная леди гордо вздернула к небу нос, и в ее глазах явственно сверкнула ярость.

– Ну да, точно баба. Как это я сразу не разглядел? Ты на себя в зеркало когда последний раз смотрела? Или нынче женщины в таком дефиците, что мужики сразу из штанов выпрыгивают?

– Нынче в дефиците стали мужики. А те гоблины¹², которые себя таковыми считают, зачастую и штанов не носят.

– Язва вы, мадам. Или досталось здорово?

– Не твое дело. Ты рули давай и на дорогу посматривай, сейчас левый поворот будет.

– Давно в этих краях? – Стас хотел еще что-то спросить, но мысль тут же пропала, не успев родиться.

Резко остановив машину, выскочил на обочину. Сутки, проведенные в новом мире, не изобиловали встречами с людьми, но что приходило на ум Стасу – трупов или останков людей ему как-то тоже

¹² Гоблины – сверхъестественные человекоподобные создания, живущие, согласно западноевропейской мифологии, в подземных пещерах и не переносящие солнечный свет.

особо не попадалось. А теперь останков было много, целая гора. Гниющие клочья мяса, сползающие с белых костей. Выклеванные птицами глазницы на оскаленных черепах. Возникли неудержимые позывы рвоты, но позывами дело и закончилось – рвать было нечем.

Раздалось рычание, из-за кучи со стороны леса выходила свора собак. Вожак, крупный немец, скалил клыки и угрожающе рычал, выражая самые недружественные намерения. «Суки», – Стас в сердцах мысленно дал пинка псине и удивленно уставился на отлетевшего в сторону лидера стаи, которая, поджав хвосты, стала разбегаться. Только сейчас сработало обоняние, и на сознание обрушилась страшная вонь разлагающейся плоти.

– Как ты это сделал? – из проема двери удивленно таращила глаза вновь обретенная попутчица.

– Что? – угрюмо спросил Стас.

– Собака. Что ты сделал с собакой?

– Не знаю. Ты лучше скажи, что это? – Стас, одной рукой зажимая нос, второй указал на кучу гниющих трупов.

– Это люди. То, что от них осталось. Тут такого много. Станный ты. Чего стоишь, поехали – воняет же.

Несколько минут ехали молча. Говорить не хотелось, не хотелось и думать. Александра, видимо, почувствовав настроение Стаса, молча смотрела на проселочную дорогу. Что же такое должно было случиться с миром, если людей оставляют гнить на обочине, а тела отдают на растерзание собакам? Не сам факт наличия трупов и их количества поразил Стаса, а неуважение к смерти или безразличие. Если здесь так относятся к смерти, какова же тогда цена жизни?

– Налево. Ты слышишь меня? Проехали же, – Стас очнулся. – Ты что, заснул? Глаза стеклянные. Тоже мне диковинка. Трупов он не видел. А еще насчет баб рассуждает, сам как барышня кисейная.

– Помолчи, – Стас сдал несколько метров назад и повернул на лесную дорогу.

В просвете дороги показались крыши домов. Проехав еще полкилометра, увидел раскинувшийся в долине коттеджный городок. Видимо, раньше это был элитный загородный поселок, построенный среди соснового леса на берегу чистого ручья. Ручей извилистой лентой пересекал поселок почти по центру и впадал в неболь-

шое рукотворное озеро. Добротные дома с черепичной крышей, высоченные каменные и кирпичные заборы – все было сделано на совесть и на века.

Вот только на месте юго-восточной части поселка зияла воронка, наполовину заполненная водой, из которой торчали куски бетона, арматура и прочий строительный хлам. Взрывной волной досталось и остальным домам. Более-менее прилично выглядели десятка три строений, находящихся на окраине и примыкающих к озеру. Стас задержал взгляд на самом крайнем доме с зеленой черепичной крышей и направил джип к нему. Ворота были автоматические, но, легко перекинув тело через двухметровый забор, Стас смог их разблокировать и открыть.

– Ты вообще кто? Супермен? Спецназ? Собак взглядом глушишь, прыгаешь, как Бэтмен¹³, – подала голос Саша.

– Возьми пистолет. Нет, подожди, – Стас забрал оружие, передернул затвор, снял с предохранителя. – Теперь только на курок нажать, понятно?

– А то я сама не знаю, – уверенно заявила леди, при этом с любопытством заглядывая одним глазом в дульное отверстие ствола.

Стас одним неуловимым движением вырвал пистолет из рук девушки, поставил на предохранитель и сунул его себе сзади за поясной ремень. Подошел к двери, открыл бардачок, достал валявшийся там свисток.

– Держи, это оружие как раз для тебя. Увидишь что-то необычное – свисти, – Сашка обиженно надула губы. – Сейчас обойдем двор, здесь навскидку тридцать соток, осмотримся – потом поговорим.

Стас и так чувствовал, что в доме нет никого живого. Почему так считал, сам не знал, но был в этом уверен. Новые чувства и возможности обнаруживались то плавно и незаметно, то появлялись скачкообразно, и для того чтобы в них разобраться, необходимы были время и спокойная обстановка. Пока ни того, ни другого у него не было.

Это мы удачно заехали, подумалось Стасу, когда в пристройке он увидел мощный, на сто киловатт, генератор. Тут же стоял еще один, переносной, на пять киловатт. И десяток канистр, из которых

13 Бэтмен – изначально Бэт-мэн (англ. Bat-man, рус. Человек-летучая мышь) – вымышленный супергерой, персонаж комиксов.

большая часть была полной. Судя по отсутствию бака для генератора, должна была быть подземная емкость, которая и обнаружилась на улице за зданием. Металлический люк был завален кирпичами, но мерный шуп указывал на наличие как минимум трех четвертей объема.

Радовали и стены здания, проложенные с двух сторон пенопропиленом. Хозяева любили тишину – он мысленно поблагодарил бывших собственников. Собственники, точнее, их останки, обнаружились в следующем помещении, которое служило мастерской, и, видимо, под ним же располагался погреб. Два полуразложившихся трупа лежали на полу. Судя по позам, смерть была ненасильственной и внезапной. Кисть с облезшим с фаланг пальцев мясом еще сжимала ручку двери. Скорее всего, хотели спрятаться или укрыться от чего-то. Стас попытался разжать скрюченные фаланги, но они просто обломались.

И тут раздался неистовый свист. Это был очень художественный свист, выражавший всю гамму чувств от дикого животного страха до полной безнадежности. В несколько секунд Стас преодолел тридцать метров пространства и увидел по-своему комичную ситуацию. «Было бы смешно, если бы не было так грустно», – подумал он. В зарослях малинника на корточках сидела Саша, обхватив голову руками и закрыв глаза, отчаянно свистела, выдавая совершенно немыслимые трели. Рядом находился здоровенный растерянный мастифф¹⁴ и удивленно взирал на непонятное существо, издающее столь пронзительные звуки. От неожиданности он даже оторопело присел на задние лапы. Угрозы от собаки явно не исходило. Стас подошел и потрепал псину по мощному загривку. В лучшие времена больше центнера весил. Пес развернулся и молча пошел в сторону кирпичного забора.

– Как малинка? – Стас похлопал Сашку по плечу. Свист прекратился.

– Где оно? Ты его убил? – заикаясь, прошипела несостоявшаяся амазонка.

– Тебе бы только убивать, это же просто собака. Потеряла хозяйина, вот и бродит. Удивительно, как псина такого размера вообще

¹⁴ Мастифф – старинная английская порода догообразных собак. Использовалась для охоты на крупных зверей, охраны стад, собачьих боев.

выжила на свободе. Ей же в день килограммов десять корма надо, — вспомнилась полуразложившаяся куча человеческих останков. — Хотя собакам, видимо, еще на какое-то время здесь еды хватит.

— Большой, очень большой, я и не видела никогда таких огромных. А собаки здесь злые, на людей бросаются. Они все уже человечину попробовали, это тебя они почему-то боятся, — пыталась оправдаться Сашка, семена за Станиславом.

Запустить генератор оказалось делом несложным, техника была новая и без работы простояла не слишком большой срок. С коммуникациями тоже проблем не возникло, автоматика передавала поток энергии с оборванных линий электропередачи на резервный источник питания. Ну, вот и цивилизация, — подумалось Стасу. Он планомерно обходил цокольный этаж здания, по ходу проверяя многочисленные вспомогательные устройства, делавшие жизнь в двадцать первом веке столь комфортной и приятной. Скважина исправно работала, и после десятиминутного слива пошла вполне приличная на вкус вода. Котел оказался комбинированным и многоконтурным, рассчитанным на работу как от газа и электричества, так и от твердого топлива. После несложных переключений заработал и он.

Поднявшись наверх, обнаружил Сашку в мастерской, точнее, в погребе, куда так стремились покойные хозяева дома. Посмотреть здесь было на что. Видимо, у прежних владельцев был патологический страх конца света, и погреб скорее выглядел небольшим бункером с маленьким телевизором и диванчиком в прихожей. Тут же присутствовала металлическая печка «буржуйка» и хранился запас прессованных деревянных брикетов.

Вторая, уже деревянная дверь вела непосредственно в сам погреб, где и находилась Сашка, глотая прямо из банки малиновое варенье. Варенья и различного рода консерваций здесь было с избытком. Ассортимент и количество запасов еще раз убедили Стаса в том, что тут явно ждали какой-то катастрофы и рассчитывали отсидеться как минимум пару месяцев, если не полгода.

— Чет тебя на малинку последнее время тянет. Давай отсюда выбираться. Я пойду яму вырою и закопаю гостеприимных хозяев этого дома.

— На кой их закапывать? Брось где-нибудь в стороне.

– Неправильно это. И причин тому не одна. Ты лучше пойдешь помыться. В цоколе есть сауна с бассейном. Вода в бассейне с гнильцой, но бойлер уже, наверное, нагрелся, так что душ принять сможешь. Да, и посмотри гардероб, подбери себе что-то из вещей.

– Мы что, здесь надолго остаемся?

– На ночь точно. Что тебя не устраивает? Ты когда мылась последний раз? Вшей не боишься?

– Здесь не вшей надо бояться, а тех, на ком они живут, – угрюмо продекламировали измазанные малиной губы. Тем не менее, Сашка отставила банку. – Ты что, в этом подвале хочешь ночевать?

– Зачем? Котел работает, дом сейчас прогреется. Можно выспаться по-человечески, а людей в поселке нет, это точно. Собак много, и в округе тоже, а вот людей ни души.

– Даже не спрашиваю, откуда ты это знаешь, – Сашка, прихватив с собой банку варенья, стала подниматься вверх.

Стас и сам не понимал, откуда он все это знает. Но заработала какая-то сторожевая система. В радиусе до пяти километров он чувствовал все живое и даже весьма успешно мог классифицировать эту живность. Вот за забором развалился старый знакомый – мастифф, рядом с ним с десятков особей поменьше. Еще несколько групп или стай собак находилось в поселке. Лес тоже изобиловал псами. Может, поэтому и сохранились дома? Откуда здесь столько собак? Но интуиция, или что там обычно подсказывает, твердо говорила о том, что для него представители здешней фауны прямой угрозы не представляют. Скорее он для них – и они это понимают.

Найдя лопату (хозяйство было, надо сказать, исправным), Стас принялся за могилу. То, что сил прибавилось и тело стало совершенно другим, было понятно уже давно, хотелось выяснить, насколько другим. Он увеличил темп, затем еще. Лопата мелькала – два кубометра земли были изъятые менее чем за четыре минуты. И при этом не возникло ни одышки, ни даже намека на пот. «А как же моя стенокардия?» – пришла в голову уж и вовсе нелепая мысль.

Сбросив в яму два трупа и мысленно пожелав их душам успокоения, Стас опять взялся за лопату. Вспомнилась собака, та, что была в лесу. Отойдя на два шага, сделал движение двумя раскрытыми ладонями от себя, как бы толчок, направленный на кучу земли. Впе-

чатляет. В яму обвалилась не только вырытая им земля, но и слой почвы срезало, как ножом трактора. Оказалось, что телодвижения производить вовсе не обязательно, достаточно мысленно представить или приказать. Менее чем за минуту на месте могилы возник небольшой курган, поверх которого Стас тем же способом водрузил приличный кусок мраморной плиты.

«Интересно, что еще я умею?» – взгляд остановился на аккуратно сложенных дубовых дровах, заготовленных, вероятно, для камина. Взял одно, мысленно перенес его на свежее надгробие и представил горящим. Полыхнуло здорово. Так же мысленно затушить полено не удалось. Пришлось столкнуть его и присыпать с землей. Сашка права, Бэтмен отдыхает. А вот мозг плавится.

Проверить еще какие-либо неожиданно открывшиеся возможности не получилось. Знания о паранормальных явлениях заканчивались на слове «телекинез»¹⁵ и романе Кинга «Воспламеняющая взглядом». Правда, вспомнилось словечко «левитация»¹⁶. Понимая, что это несколько из другой оперы, он все-таки попробовал представить себя парящим над землей. Потом подпрыгнул, надо сказать, достаточно высоко, но, несомненно, о полете речь не шла. На том и успокоился.

В выходящие на улицу окна был виден силуэт Александры, которая, судя по импульсивным телодвижениям, накрывала на стол. Значит, душ свободен. Стас спустился в сауну, разделся и с удовольствием включил горячую воду. Точнее, это оказалось предвкушение удовольствия. Кожа практически не реагировала на изменение температуры воды. И даже кипяток (Стас помнил, что включал бойлер на максимум) не производил никакого впечатления как на сознание, так и на кожу.

С кожей, кстати, особых изменений не произошло. Показалось только, что она стала чуть более смуглой и, возможно, менее чувствительной. Подозревая подвох, взял на полке металлическую рас-

15 Телекинез – термин, которым в парапсихологии принято обозначать способность человека одним только усилием мысли оказывать воздействие на физические объекты.

16 Левитация – явление, при котором предмет без видимой опоры парит в пространстве (то есть левитирует), не притягиваясь к твердой или жидкой поверхности.

ческу и несильно ткнул острой рукояткой себе в ногу. На долю миллиметра кожа подалась, а затем стала такой же твердой, как и расческа. Размахнулся, ударил. Ручка расчески со звоном переломилась.

Стас озадаченно посмотрел на себя. Опустил взгляд ниже живота. Выглядит все как обычно, а проводить эксперименты со столь нежной частью тела пока желания не было.

Картина, которую он застал, поднявшись в гостиную дома, умиляла своим домашним уютом. Большой круглый стол был застлан белой кружевной скатертью. В центре стоял канделябр с зажженными уже свечами, два прибора друг напротив друга, бокалы для вина. Сашка основательно разобралась с имевшимися запасами, поскольку стол просто ломился от всевозможных закусок, консервированных конечно, но все же. Из кухни раздавалось шипение и запах жарившегося мяса. Сама новоиспеченная хозяйка, присев спиной к Стасу, пыталась разжечь камин.

– Камин разжигать не будем и свет давай уменьшим, хватит свечей. Людей в поселке нет, но запах дыма разносится далеко, а яркий свет привлечет собак, их здесь очень много.

Сашка повернулась и встала. «Метаморфоза¹⁷, – подумалось Стасу, – уже которая за сегодняшний день». Назвать Александру красавицей в полном смысле этого слова было сложно. Что-то было неправильное в угловатости уже полностью сформировавшейся женской фигуры, что-то было в ней мальчишеское. Или это эффект от перетянутой в поясе мужской рубашки, явно великоватой даже для Стаса, и каких-то непомерного размера и покроя шароваров, непонятно как и на чем державшихся...

А вот волосы у девушки были необычные. Чисто вымытые, расчесанные и высушенные, они наконец приобрели свой естественный цвет, надо сказать, удивительный цвет – пепельно-рыжий с прядями то ли мелированных, то ли седых волос. Второе предположение казалось Стасу более вероятным. Из-под неаккуратно подстриженной челки на него пылливо смотрели широко посаженные глазища цвета морской волны. Дополнял картину вздернутый носик и обиженно надутые губки.

– Чего пялишься? Страшная?

17 Метаморфоз – др.-греч. «превращение».

– Если ты ждешь комплиментов, то напрасно.

– Больно надо. Есть садись.

– У нас романтический ужин? – Стас указал взглядом на горящие свечи. Уши Сашки тут же вспыхнули, румянец разлился по щекам.

– Все, молчу, молчу.

– Я ведь хотела как лучше, два месяца белых скатертей не видела и вообще ничего, кроме соломы и гнилой свеклы, не видела. А здесь все так... – глаза цвета лазури подернулись дымкой, предвещая наступление если и не бури, то проливного дождя точно.

– Извини, ты умница, давай ужинать, – он уселся за стол.

– Сейчас, там курица тушеная на сковородке, подожди, сейчас принесу.

– Значит так, Александра. Как тебя, кстати, по отчеству? – начал Стас, когда они наконец закончили все приготовления и разместились за столом.

– Игоревна.

– Значит так, Александра Игоревна, как бы это абсурдно ни звучало, но для этого мира я чужой. Сам до конца еще не разобрался. Но одно точно ясно – я человек из прошлого. Недалекого, но ПРОШЛОГО. Прими это за аксиому, прикрой свой очаровательный ротик и давай поговорим.

Глава 2

«Existential event»¹⁸

Мизансцена из незабвенной комедии длилась не слишком долго. И реакция была удивительно ровной. Стаса это даже несколько задело – тут что, путешественники во времени по проспектам гуляют и сувениры покупают?

– Вина налей, справа от тебя две бутылки стоят.

– Выдержка у тебя, однако...

– Не в этом дело. Ты странный – не от мира сего. А если то, что сейчас говоришь, правда, тогда все становится на свои места. И ка-

18 Existential event (англ. Глобальная катастрофа) – события, полностью уничтожающие возникшую на Земле разумную жизнь или необратимо ограничивающие ее потенциал.

кая разница, откуда ты – из другой реальности или из прошлого. Вот если бы ты был из будущего! Но у этого мира нет будущего.

– Все так плохо? – он откупорил и разлил красное, явно домашнего производства вино в бокалы богемского стекла.

– Я не слишком много знаю. То, что произошло с планетой, произошло неожиданно, без предупреждений и криков о конце света, а вот то, что происходит сейчас, не просто плохо – БЕЗНАДЕЖНО, – Саша подняла бокал и залпом его осушила. – Налей еще.

Александра действительно знала не слишком много – почти ничего. Субботним вечером она вернулась из интернатуры, по дороге купив батон хлеба и триста граммов докторской колбасы. Зарплата медиков в нашей стране всегда оставляла желать лучшего, а уж об интернах и говорить не приходилось. Подружки, с которой они на пару снимали квартиру, дома не было, и Саша подумала, что с удовольствием проведет спокойный вечер у телевизора, затем почтает и пораньше ляжет спать.

Работа ей не нравилась. Не об этом она мечтала, поступая в медицинский институт. Она хотела стать известным кардиохирургом, делать сложнейшие операции, спасать жизни. А действительностью оказались грязные палаты, разваливающаяся или уже полностью развалившаяся мебель, отсутствие аппаратуры и медикаментов. И боль, постоянная боль, когда ты смотришь в глаза бабушке и называешь цену лекарства, прекрасно понимая, что она составляет три-четыре пенсии старушки, и ей легче, проще и, главное, дешевле просто умереть.

Включила телевизор. Цветущая дикторша оптимистично и радостно вещала об очередных катаклизмах, волнениях в арабских странах, количестве автокатастроф, произошедших за истекшие сутки, постоянно и неуклонно растущем благосостоянии сограждан, о какой-то комете, пролетающей мимо Земли. По поводу кометы очередной тибетский провидец заявил о наступлении очередного конца света. На Солнце повысилась активность, и завтра жителей планеты ожидали магнитные бури. А в целом погода на выходных будет солнечной и теплой, как и полагается в середине лета.

Саша пошла на кухню готовить свой скудный ужин. И тут погас свет. Было восемь часов вечера, на улице только наступали июль-

ские сумерки, но многие окна соседних многоэтажек уже светились – это Саша помнила совершенно точно. Выглянув в окно маленькой «хрущевской» кухоньки, она поняла, что дело вовсе не в электрических пробках, и уныло побрела искать свечи. Ее слегка пошатывало, болела голова. «Наверное, от усталости, подумала Саша, – сегодня был тяжелый день». Под романтический трепет свечей она пожарила свой нехитрый ужин и в одиночестве съела его.

В девять вечера электричества все еще не было, а головная боль, несмотря на принятую таблетку аспирина, не отпускала. Саша, давно мечтавшая отоспаться, с чистой совестью отказалась от идеи заняться чем-то полезным. Она приняла еще одну таблетку обезболивающего, а заодно и снотворного, и на ощупь побрела в спальню. Возникла мысль позвонить подруге и предупредить, чтобы не будила, но мобильный телефон молчал. Забравшись под одеяло, Саша провалилась в сон. Проснуться ей было суждено уже в другом, новом мире.

– Сколько же я проспала? И почему опять так болит голова? – Саша с трудом открыла глаза.

Похоже, было раннее утро: серая мгла только начала расплзаться по комнате, пробиваясь сквозь стекла незашторенного с вечера окна.

– Схожу в туалет и буду спать дальше, только окно закрою, – Саша подошла к окну и замерла.

Соседнего дома, однотипной серой девятиэтажки, во двор которой выходило окно спальни, не было. Вместо него громоздились руины, а через них просматривалась оживленная некогда улица полумиллионного города.

Я сплю или крышу сорвало... Такого не может быть! Не мог соседний дом взорваться и не разбудить спящую, даже под снотворным, Сашу. Она еще раз выглянула в окно. Кошмар не исчез. На кухне картина была еще хуже: на полу возле разбитого окна валялись осколки камней, а за окном зияла все та же картина глобального разрушения. Света и газа не было, и, покрутив краны, Саша даже не удивилась отсутствию воды.

Наспех одевшись и на ходу натягивая легкую курточку, Саша вскочила в подъезд. Постучала соседям – тишина. Вспомнила, что на

гвоздике висят ключи от квартиры соседки сверху, которой Саша иногда делала уколы. Вернулась, схватила ключи и бросилась к лестничному пролету. Звонить даже не стала, открыла ключом простенький замок и забежала в квартирку бабы Ани. То, что старушка мертва, Саша поняла еще на пороге комнаты по характерному цвету кожи и безвольно свисавшей с ветхого дивана руке.

Саша все же дотронулась до вены на руке – и ужаснулась. Она, конечно, не надеялась прощупать пульс, но температура тела? Оно не могло за ночь так остыть! Вчера, возвращаясь с работы, Саша столкнулась с бабой Аней, которая бодро карабкалась на седьмой этаж. На диване же покойница лежала в ночной рубашке, значит, легла спать не раньше самой Саши. Сейчас раннее утро. Или не утро? Девушка подняла трубку древнего дискового телефона – тишина.

Спускаясь по лестнице, Саша стучала во все двери подряд – но дом безмолвствовал. На улице картина разрушений была просто невообразимой. Как минимум два подъезда высотного дома были разрушены до первого этажа. Оставшиеся части дома кренились навстречу друг другу и, судя по всему, собирались в ближайшее время рухнуть. Это было страшно. И только сейчас в сознание прокралась мысль: почему так тихо, где пожарные, скорая, милиция? Где, наконец, все люди? Нет, такого быть не может – это просто кошмарный сон, плод воспаленного воображения. «Я перетрудилась», – Саша споткнулась о какой-то строительный мусор, упала, разорвав джинсы и больно оцарапав арматурой ногу. Выступила кровь. «Какой же это сон, если так больно и кровь течет», – мелькнула мысль.

С трудом перебираясь через завалы, Саша направилась к ближайшей аптеке. Из-под груды мусора торчала нога в кроссовке фирмы «Адидас». Приподняв штанину, девушка дотронулась до синюшной кожи – трупное окоченение. Плохо соображая, Саша выбралась на центральную улицу, некогда разделявшую два квартала. Картина, открывшаяся взору, мало отличалась от увиденного во дворе.

Город не был уничтожен, как показывали в фильмах-катастрофах, то есть не был уничтожен полностью. Но ощущение того, что здесь прошла ковровая бомбардировка¹⁹, все больше укоренялось

19 Ковровая бомбардировка – непрерывное, интенсивное, последовательное бомбометание по значительным площадям, как правило, населенным пунктам. При

в воспаленном сознании. Кое-где из разбитых окон еще струился дым. Запах гари, дыма и паленой резины висел в воздухе густой осязаемой пеленой.

Только сейчас до Саши начало доходить, что это не раннее утро и не сумерки, а серый плотный туман, состоящий из мельчайших частиц пыли и не пропускающий солнечный свет. Дышать им было почти невозможно, а глаза резало так, что слезы текли ручьем. Саша села на обломок строительного блока и разрыдалась. Как ни странно, это помогло. Это всегда помогало. Слезы промыли глаза, а выплеснувшиеся эмоции привели сознание в некое подобие порядка.

Аптека была на месте, ее массивная стеклянная витрина осколками хрустела под ногами. На месте была и аптекарша – она сидела, опустив голову на угловой столик. Саша подошла и безнадежно дотронулась рукой до шеи у основания подбородка – мертва.

Надо успокоиться и подумать. Это не сон, и об этом ясно говорила саднящая нога. Значит, катастрофа. Та, которую так давно предсказывали всевозможные провидцы и прорицатели, доморощенные Нострадамусы²⁰ и календари Майя. Апокалипсис свершился. Тогда почему она жива? И почему для нее конец света прошел так незаметно? И самое главное: что теперь делать? Ответов не было.

Саша нашла антисептик, бинт, йод, обработала рану и перевязала ногу. Увидела в углу большую полотняную сумку с красным крестом. «Я все-таки врач, а помощь может понадобиться многим, если, конечно, кто-то, кроме меня, жив в этом сумасшедшем мире», – интерн Саша собрала все самое необходимое. Куда теперь? До не-большого шахтерского городка, где живут родители, почти пятьдесят километров. Нужна машина. Водить Саша умела, но как проехать по заваленным арматурой и бетоном улицам? И очень хочется есть. Эта простая мысль сформировала хоть какой-то план действий – супермаркет.

Ближайший продуктовый магазин находился в разрушенном доме, стоявшем когда-то напротив Сашкиного жилья, и добраться до него было сложно. Поэтому Саша направилась в сторону супермаркета. Вместо привычных десяти минут дорога заняла добрых этом применяется большое число бомб (в том числе зажигательных).

20 Мишель де Нострам, известный также как Нострадамус, XVI век – французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами.

сорок. Перебираясь через завалы и огибая груды мусора, Саша наконец добралась до магазина. Он уцелел, вернее, частично уцелел – левое крыло приземистого здания было придавлено обрушившимся жилым домом, а к разбитым витринам Саша уже начала привыкать.

В конце длинного прохода, между стеллажами с продуктами и бытовой химией, краем глаза Саша уловила движение. Лохматый парень жадно запихивал в рот бананы и глотал их, практически не жуя.

– Заворот кишок будет – это я тебе как врач говорю, – буднично проговорила Саша, сама удивляясь своему спокойствию.

– Ты кто? – дожевав банан, промычал парень.

– Человек. Живой пока человек. А еще, между прочим, женщина по имени Александра Игоревна. А вы кто?

– Я? Алексей, Леша. Ты что-нибудь понимаешь? Что случилось? Марсиане?

– Я за последние два часа только одного встретила, и тот, кажется не в своем уме.

Алексей знал не больше Сашки, а понимал, похоже, и того меньше и до сих пор находился в шоковом состоянии. Пришел в себя – родители мертвы. Как лежали вместе в соседей комнате на кровати, так и зачоченели. Телефоны молчат, людей вокруг нет, помочь никому. Долго кричал, плакал, потом захотел есть, вот и пришел сюда.

У парня действительно шок. Неудивительно – в один момент потерять и родных, и свой привычный мир. Саше стало жалко его, а еще больше себя, и слезы опять полились ручьем.

– Что будем делать, товарищ Алексей? – Сашке стало немного легче, и она смогла съесть черствую булочку, запив ее апельсиновым соком. – Когда ты пришел в себя?

– Часов пять назад. А какой сегодня день?

– Должно быть воскресенье, но я почти уверена, что с вечера субботы прошли как минимум сутки или двое.

– С чего ты взяла? Я столько проспять не мог.

– А ты уверен, что это был сон? Трупы все вокруг окоченевшие. Я врач, хирург. Могу примерно установить время, прошедшее с момента смерти.

– Ни фиги себе! Хирург? А на вид – лет шестнадцать.

– Комплименты оставим на потом. Мужик ты или нет? Делать-то что будем?

– Людей надо искать, милицию, в конце концов, власть какую-нибудь. Кто-то же должен был остаться.

– А милицию зачем? Хорошо, положи в пакет что-нибудь съедобное и пошли искать.

В этот день они до сумерек бродили по безжизненным и разрушенным кварталам спального района. Кое-где разрушения были меньше, попадались целые массивы, не пострадавшие от бомбардировки. Встречались и воронки огромного размера, поглотившие сразу несколько высотных зданий. В таких местах разрушения от ударной волны были просто ужасны. Встречали и людей, не слишком часто, но встречали. Некоторые выглядели совершенно обезумевшими, многие, увидев их, бросались бежать. С теми, кто не бежал, пытались поговорить. Глаза этих людей Саша мысленно видела перед собой в течение долгих дней и бессонных ночей – они были безумны. Без единого признака мысли.

Саша и Леша нашли отделение милиции, и здесь картина была такой же, как везде. Те же холодные трупы, только в форме. Сашка, преодолевая брезгливость, вытащила из кобуры дежурного офицера пистолет и положила в пакет с продуктами. Пользоваться она им все равно не умела.

От Алексея было совсем мало толку. Мозг мальчишки, перегруженный обилием негативных эмоций, периодически заклинивало, и Саше стоило немалых усилий привести парня в чувство. Из многочисленных сумбурных диалогов Саша поняла, что Алексей в этом году окончил школу и уже поступил в политех на физмат. «Беда, – подумалось Саше, – единственный относительно нормальный человек, и тот сопливый мальчишка, который наверняка провел половину жизни за компьютером и о реальной жизни имеет весьма зыбкое представление. Что тогда говорить о жизни в экстремальных условиях...»

К вечеру, полностью вымотавшись, набрав две сумки продуктов и взяв две бутылки водки, решили подумать о ночлеге. Мыслительный процесс был изрядно замедлен, поэтому решили просто переночевать в подсобном помещении супермаркета. В целом решение

показалось Саше правильным. Ломать двери квартир, в которых, вероятнее всего, находились холодные трупы, желания не было. Продукты и питьевая вода – под рукой. Расположившись в кабинете директора или кого-то из менеджеров, зажгли свечи – благо, их было в избытке. «Сейчас в избытке все, – подумалось. – В городе можно жить долго, но что будет завтра, через месяц или год, и будет ли это завтра вообще?»

Разложив на рабочем столе нехитрую снедь, Саша налила полный пластиковый стакан водки и подала Алексею.

– Пей, станет легче.

– Может, лучше пива пойти взять? Как-то я водку не очень...

– Пей, после пива всю ночь будешь бегать мочиться, а тебе поспать и отдохнуть надо.

Такой же стакан водки Саша налила себе. Выпила в три глотка. Чем-то закусил. Водка ударила в голову, приятно обожгла желудок, туманя рассудок и размывая насущные проблемы. Они стали казаться не такими острыми и не очень важными, по крайней мере, на ближайшее время.

– Ты красивая, – пробормотал слегка ослотившийся новоиспеченный донжуан. – Как это я сразу не заметил? Оч-ч-ч-ч-ень красивая.

Саша посмотрела на товарища по несчастью. Какая разница? Мир перевернулся – не до морали.

– Иди ко мне, горе луковое...

Секса, собственно, и не было. Вернее, была попытка, которая закончилась, не успев начаться.

– Первый раз?

– Да нет, что ты, просто день тяжелый. Я сейчас, ты подожди. Извини.

– Выпей еще стакан водки и иди спать.

– А как же...

– Никак. Побаловались и хватит.

– Да я сейчас. А ты?

– Я сказала: одевайся. Достаточно на сегодня.

Сашка лежала обнаженная на старом диванчике и смотрела, как Алексей смущенно и неуклюже пытается натянуть штаны. Вот ведь везет с мужиками...

Мужчины в жизни Саши, конечно, были. Не много, но были. Была даже любовь на втором курсе института. Изматывающая, романтическая, всепоглощающая, так казалось молодой студентке. Казалось до тех пор, пока ее милый и ненаглядный Володя на очередной вечеринке для остроты ощущений не предложил поменяться партнерами. На этом, собственно, все и закончилось. Потом были еще мужчины, которые долго не задерживались ни в жизни, ни в постели. В постели как раз многие были хороши, даже очень хороши, но Саша никогда не чувствовала в них настоящих мужчин, за которых можно спрятаться. Не чувствовала того спокойствия и уверенности в будущем, которые ощущала в детстве, забираясь к отцу на колени и глядя его огромные мозолистые руки.

Молодое тело требовало разрядки, мозг, расслабившийся под парами алкоголя, не возражал, а уловив желание тела, стал рисовать картинки, надо сказать, очень пикантные. Почувствовав напряжение внизу живота, опустила руку на гладко выбритый лобок, потом уловила жадный взгляд Леши. Нет, только не это, не сейчас. Встала, накинула на плечи плед и вышла из комнаты. В темноте на картонных ящиках Саша все сделала сама – так, как ей хотелось. Еще пара минут – и тело, дрожа, окунулось в приятную истому.

В следующие две недели Саша с Лешей днем бродили по городу, вечером, набрав продуктов, искали ночлег. Иногда оставались на одном месте пару дней. Алексей разобрал несколько мобильных телефонов и компьютеров и уверенно заявил, что микросхемы почти везде выгорели. По его словам, причиной тому мог быть очень мощный электромагнитный импульс, например солнечный шторм. Когда-то подобное на Земле уже случалось, но тогда еще не было такой чувствительной техники.

Но вот мог ли этот импульс уничтожить человечество, Леша не знал, зато будущий врач Саша была уверена, что особого вреда электромагнитное поле нанести человеку не может. Вернее, здоровому человеку. Все-таки электромагнитные бури были опасны для сердечников и гипертоников. В пользу Лешиной версии говорил и тот факт, что изредка встречающиеся на улицах люди были исключительно молодыми. Ни одного старика Саша не видела. Но всезнающий Леша никак не мог объяснить бомбардировку города. Мысль о

метеоритах приходила в голову и Саше, но юное дарование заявило, что метеоритный поток такой силы просто не мог быть не замечен астрономами, и его траектория была бы рассчитана заранее, за несколько месяцев до удара по Земле. Будущий студент физмата наверняка знал бы об этом.

Невероятное открытие было сделано на тринадцатый день после начала конца. В разрушенном городе вторые сутки бушевал ураган. Никогда ничего подобного Саша не видела. Ветер поднимал в воздух машины и срывал куски кровли с крыш многоэтажных домов. Тропический ливень сплошной водяной стеной заливал грязные от пыли и мусора улицы, унося мутные потоки в сторону реки. Вода была везде, переполненные колодцы канализационных систем, не справляясь с потоком, бурлили водоворотами. Подвалы домов и цокольные этажи магазинов превратились в бассейны и водоемы. Саша наблюдала за этим светопреобразованием со второго этажа добротного частного дома, стоящего на возвышенности и потому устоявшего во всеобщем потоке. Сюда они успели спрятаться в самом начале бури, из последних сил пробиваясь сквозь проливной дождь. «Земля живая, она сама очистит себя от скверны», — с этой мыслью Саша отправилась спать.

Разбудил ее Алексей, нежно тормоша за плечо:

— Пойдем на террасу, дождь кончился.

— Да угомонись ты, ловелас, я же сказала — никакого секса. — После первой неудачной попытки Леша регулярно и весьма настойчиво старался исправить положение и затащить ее в постель. Но Сашку такое положение дел совершенно не устраивало: ее отношение к товарищу по несчастью было скорее материнское, а со своими сексуальными фантазиями она весьма успешно справлялась сама.

— Да я не о том, вставай! Ты должна это видеть!

Алексей, несомненно, был прав. Это нужно было видеть. Дождь прекратился, ветер почти утих, превратившись в легкий бриз. Впервые за две недели в воздухе не пахло гарью и пылью. Леша показал на небо. Саша подняла глаза... и в изумлении раскрыла рот. Небо она тоже не видела с момента пробуждения, не видела звезд, Луны и Солнца. Солнце иногда просвечивало мутным пятном сквозь пелену пыльного тумана, как это бывает в пасмурные зимние дни. Сейчас

же на небе были звезды, а еще там висели ДВЕ ЛУНЫ! Одна просто огромная – и очень близко! Так близко, что Саша невольно потянулась к ней рукой.

Это не была Луна в привычном понимании, круглая в полнолуние или тонкий месяц в новолуние. Это было яблоко, от которого гигантские челюсти даже не откусили, а оторвали почти половину. Привычные с детства очертания лунных морей на оставшейся половине однозначно говорили о том, что это все-таки их Луна, то есть спутник Земли. Вторая Луна была поменьше, примерно такой, какой ее привыкла видеть Саша, даже слегка ущербной. Сашка мысленно подставила палочку – буква «У», значит, убывающая Луна.

Но это было еще не все. НЕБО ГОРЕЛО. Такого феерического зрелища Саша не видела ни в одном из анимационных шедевров Голливуда. Во-первых, появилось кольцо, как на планете-гиганте, Сатурне или Юпитере, Саша точно не помнила. Оно было разноцветным и мерцающим. Во-вторых, в небе было северное сияние. Она, конечно, видела этот захватывающий танец света и раньше, по телевизору, но никак не могла представить себе, что это настолько красиво. А еще падали звезды! Падало много звезд! Так много, что желаний хватит на всех, только успевай загадывать.

Саша наконец пришла в себя и заметила, что рот у нее до сих пор открыт.

– Впечатляет? – произнес Алексей, стоявший чуть слева и сзади.

– Не то слово. Что это? Откуда? У нас новый спутник? Как?

– Скорее, у нас теперь два спутника вместо одного. Весь вопрос в том, надолго ли? – Леша задумчиво смотрел на фантаσμαгорическое зрелище.

– Что ты имеешь в виду, астроном хренов?

– Расслабься. Луна падает.

– Куда падает, на нас? И что будет? А когда упадет?

– Да не упадет она. Только от этого не легче. Есть такое понятие «предел Роша²¹». Ну, если примитивно: когда Луна или то, что от нее осталось, приблизится на определенное расстояние к Земле, ее разорвет на части гравитационной силой планеты.

21 Предел Роша – радиус круговой орбиты спутника, обращающегося вокруг небесного тела, на котором приливные силы, вызванные гравитацией центрального тела, равны силам самогравитации спутника.

– Будет метеоритный дождь? Как сейчас?

– Звездопад, конечно, будет, но вот только смотреть на него будет некому. Это явления планетарного масштаба. Когда в действие вступят такие силы, ничего живого на планете не останется.

– А с чего ты взял, что она падает? И откуда вторая Луна?

– Вторая – это осколок целого. Я, конечно, не уверен окончательно, нужны расчеты, для которых у меня нет данных. Но дело в том, что орбита Луны изменена, и сейчас ее половина находится в два-три раза ближе к Земле, чем раньше. Какова траектория второго ку-ска, пока вообще непонятно.

– А что вообще произошло? Ты это сам-то понимаешь, физик несостоявшийся?

– Луна с чем-то столкнулась. Это было что-то большое, например комета или огромный метеорит.

– О комете в тот злосчастный вечер что-то говорили в новостях...

– Да, это комета «FED», она действительно должна была пройти достаточно близко от Земли, но никак не столкнуться с ней или Луной. Траектории таких тел давно и очень точно рассчитываются.

– Ну, объясняй дальше. Северное сияние откуда взялось? Мы что, теперь на Крайнем Севере находимся?

– Сияние – это всего лишь возбуждение геомагнитного поля Земли, которое может вызвать много факторов, в том числе и солнечный шторм, я тебе уже говорил об этом. Необязательно для этого быть на севере.

– Все-то ты знаешь. Тогда скажи, что нам дальше делать?

– Выживать, что ж еще?

– А зачем? И сколько осталось?

– Этого я, Сашка, не знаю, но вряд ли речь идет о сроке большем, чем год.

Облака потихоньку начали закрывать не нашу, не земную красоту дикого в своей первозданности и величии неба. Потянуло холодом, и Сашка зябко поежилась. Только сейчас до нее дошло, что на террасе она стоит в одной ночной рубашке.

– Пойдем со мной, – она нежно потянулась к Алексею и поцеловала его в юношеский пушок, обещавший стать когда-нибудь жесткой мужской щетиной. А станет ли?..